

Письма изъ Варшавы.

Знамя, № 123, 1903.

Театроманія.

Съ давнихъ поръ казна содержитъ въ Варшавѣ четыре польскія труппы (оперную, балетную, драматическую и опереточную) и израсходовала немало денегъ на эти труппы, выдавая субсидію на содержаніе ихъ и время отъ времени уплачивая долги варшавскаго театральнаго управленія. Года два тому назадъ обнаружилось, что варшавское театральное управленіе опять надѣлало долговъ на сумму свыше 250,000 р. Часть этого долга была уплочена самимъ театральнымъ управленіемъ а остальные 195,000 рублей долга рѣшено уплатить изъ городскихъ средствъ. Варшавскіе обыватели пользуются театрами; естественно поэтому, что городъ долженъ поддерживать театры. Многіе большіе города (Кіевъ, Одесса и др.) содержатъ городскіе театры, и было-бы вполне целесообразно, если-бы казна передала варшавскіе казенные театры въ вѣдѣніе города, который сдавалъ-бы эти театры въ аренду. Раньше или позже этимъ дѣломъ и должно кончиться, и, можетъ быть, возложеніе на городъ уплаты театральнаго долга—первый шагъ къ этому. Чтобы поправить свои денежные дѣла, варшавское театральное управленіе рѣшило построить новое зданіе для драматической труппы, потому что нынѣшній драматическій театръ, помѣщающійся въ одномъ зданіи съ опернымъ, вмѣщаетъ мало зрителей. Новое зданіе предполагается строить концессіоннымъ способомъ, и концессію принимаетъ на себя г. Замоискій со своимъ уполномоченнымъ Моисеемъ Марковичемъ Кривошеевымъ, варшавскимъ представителемъ „Новостей“, о которомъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ. Гр. Замоискій и г. Кривошеевъ уже построили для варшавскихъ театровъ доходный домъ, а теперь берутся строить новое театральное зданіе. Гр. Маврикій Замоискій, богатѣйшій человекъ, видимо, не прочь умножить свое состояніе разными концессіями, дѣйствуя при помощи евреевъ, къ которымъ онъ питаетъ, очевидно, прямо родственную слабость: не только его уполномоченнымъ по театральнымъ концессіямъ является еврей г. Кривошеевъ, но и въ его громадномъ маіоратномъ имѣніи, какъ не разъ сообщалъ здѣшній журналъ „Роля“, евреи полноправные хозяева.

Одно время поляки очень много занимались театромъ. Тогда у нихъ въ ходу былъ афоризмъ, что поляки, за неимѣніемъ «національнаго» правительства, «національной» школы и другихъ „національных“ органовъ, должны особенно дорожить такимъ важнымъ „національнымъ“ органомъ, какъ театръ. Съ теченіемъ времени интересъ къ театру у поляковъ ослабѣлъ, но отъ поляковъ театроманія перешла ко многимъ русскимъ варшавянамъ, причѣмъ у здѣшнихъ русскихъ эта болѣзнь выступила въ видѣ опереткоманіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ часть здѣшняго русскаго чиновничества была положительно въ какомъ то театральномъ экстазѣ. Одинъ изъ привислинскихъ губернаторовъ, нынѣ ужъ находящійся не у дѣлъ, а въ то время считавшійся однимъ изъ первыхъ, если не первымъ губернаторомъ въ краѣ, желая угодить господствовавшимъ тогда въ Варшавѣ теченіямъ, чуть ли не каждый мѣсяцъ прѣзжалъ въ Варшаву по дѣлу устройства въ своемъ городѣ театра. — „А, ваше превосходительство, опять въ Варшавѣ!“ „Да, знаете,—отвѣчаетъ онъ,—устраиваю у насъ въ К—мѣ театръ; столько хлопотъ съ устройствомъ зданія, съ организацией труппы, съ выборомъ пьесъ, съ цензурой...“ — „Что-жъ, дѣло хорошее: конечно, будетъ русскій театръ?“ — „Нѣтъ, какой русской—польскій, а не русскій.“ — „Но какое же дѣло русской администраціи до польскаго театра: пусть поляки сами устраиваютъ себѣ театры, мѣшать имъ не слѣдуетъ, но стоитъ ли русской администраціи тратить время на польское театральное дѣло?“ Губернаторъ, у котораго, видно, было много свободнаго времени, если онъ могъ заяться устройствомъ польскаго театра, сердился за подобныя замѣчанія. Не разъ приходилось слышать тогда отъ одного изъ «сильныхъ» въ то время варшавскихъ чиновниковъ: „вотъ опять ѣду въ Парижъ, командированъ заключить контрактъ (тутъ назывался итальянскій пѣвецъ или пѣвица), приглашается къ намъ на 10—20 гастролей“. Гремѣвшій и шумѣвшій тогда въ Варшавѣ молодой чиновникъ Каратѣевъ, теперь уволенный отъ службы и находящійся подъ слѣдствіемъ по дѣлу о растратѣ денегъ казеннаго курорта Цехопинка, разѣзжалъ по Привислиню, вербуя сезонныя труппы для цехопинскаго театра, разу-

мѣется, польскаго. А сколько времени и денегъ потрачено тогда было на устройство въ Варшавѣ казеннаго польскаго народнаго театра, въ которомъ, кетати сказать, ставятъ переводныя піесы съ разныхъ языковъ, кромѣ русскаго, и выводитъ на сцену Наполеона и другихъ героевъ, но только не русскихъ! Отче-

го бы на сценѣ этого театра не поставить въ польскомъ переводѣ, напр., піесу Крылова «Петръ Великій», кторая ставилась въ петербургскомъ „Народномъ Домѣ?“ Почему, въ самомъ дѣлѣ, въ здѣшнемъ казенномъ народномъ театрѣ совсѣмъ не ставятся соответственныя русскія піесы для солдатъ, здѣшняго бѣднаго русскаго люда, для знающихъ русскій языкъ польскихъ простолюдиновъ и для учениковъ и ученицъ начальныхъ и городскихъ училищъ?

По охватившая нѣсколько лѣтъ тому назадъ многихъ здѣшнихъ русскихъ театроманія касалась исключительно польскаго театра, русскій же театръ былъ тогда здѣсь не въ модѣ, доказательствомъ чего можетъ служить крахъ, постигшій въ то время здѣшній русскій любительско-драматическій кружокъ, въ послѣднее время, повидному, вновь оживающій. Люди, посившіеся тогда съ польскимъ театромъ, какъ съ писанной торбой, въ свое оправданіе говорили: «помилуйте, мы должны держать польскій театръ въ своихъ рукахъ, чтобы воздѣйствовать на поляковъ, иначе имъ овладѣютъ польскіе политиканы». Но въ чемъ же выразалось это воздѣйствіе, А воздѣйствіе польскихъ опереточныхъ дѣлъ на нѣкоторые русскіе карманы и головы врядъ ли можетъ быть оспариваемо. Что же касается «политиканства» со сцены, то во избѣжаніе этого существуетъ драматическая цензура.

Какъ я сказалъ, театроманія у здѣшнихъ русскихъ имѣла характеръ по преимуществу опереткоманіи: режисеръ оперетки ополчечный русскій галичанинъ Сливинскій и опереточныя дивы Ласская, Кавецкая и Богорская приобрѣли чрезвычайную популяриность въ здѣшнемъ русскомъ обществѣ; русская публика усердно посѣщала опереточныя представленія, на которыхъ часто бывалъ и покойный генералъ-губернаторъ кн. Имеретинскій. Пріѣзжавшій въ Варшаву во время усиленной опереткоманіи

сотрудникъ «Новаго Времени» Плещеевъ, заразившись тогдашней здѣшней атмосферой, напечаталъ тогда въ «Нов. Вр.» статью о варшавскихъ театрахъ, въ которой прославлялъ варшавскую оперетку, и даже помѣстилъ въ «Нов. Вр.» портреты варшавскихъ дивъ, несмотря на то, что эта газета вообще не помѣщается на своихъ страницахъ портретовъ опереточныхъ и каскадныхъ нѣвицъ. Для варшавскихъ было сдѣлано исключеніе.

Въ настоящее время построеніе въ Варшавѣ измѣнилось во многомъ къ лучшему: теперь здѣшніе русскіе заняты мыслью объ учрежденіи въ Варшавѣ отдѣленія петербургскаго „Русскаго Собранія“, проектами устройства „Общества духовно-нравственнаго просвѣщенія“ и „Общества мастерской для бѣдныхъ русскіхъ женщинъ“, возрожденіемъ русскаго любительско-драматическаго кружка и „Русскимъ музыкальнымъ обществомъ“; есть надежда, что вскорѣ возникнетъ здѣсь постоянный русскій театръ, разумѣется, не опереточный.

Но есть среди насъ и до сихъ поръ такіе, которые все еще не излѣчились отъ опереткоманіи, и, къ сожалѣнію, въ казенной польской опереткѣ въ публикѣ все еще бываетъ много русскихъ. Варшава—это единственный городъ, въ которомъ казна содержитъ оперетку.

Разумѣется, правительству не подобаетъ культивировать оперетку, которая, попятно, къ утвержденію добрыхъ нравовъ не ведетъ; однако, управленіе здѣшнихъ казенныхъ театровъ не хочетъ отказать отъ оперетки, потому что опера и балетъ даютъ убытки, драма и комедія съ трудомъ окупаютъ себя и лишь одна оперетка даетъ прибыль. Но, какъ бы то ни было, оперетка, уснѣхъ которой основаць, главнымъ образомъ, на нѣкоторыхъ двусмысленностяхъ, рискованныхъ позахъ и усиленныхъ декольтахъ, не должна оставаться въ рукахъ казны, а если безъ оперетки казенное театральное управленіе боится большихъ убытковъ, то это еще одинъ доводъ въ пользу того, чтобы все театральное дѣло въ Варшавѣ (за исключеніемъ будущаго ожидаемаго постояннаго русскаго театра) передать въ вѣдѣніе города, который, сдавая театры въ аренду, не будетъ въ убыткѣ.

Л. Вислинцевъ.